

Переводы

БРУНО ЛАТУР

Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология¹

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-156-196

Должен признаться: вопреки совету моего лучшего друга, я согласился разработать и записать МООК, знаете, один из этих «массовых открытых онлайн-курсов», которые администраторы университетов считают решением для современного образования. И не просто какой-то МООК, а курс на тему, обозначенную мной как «научные гуманитарные дисциплины» (scientific humanities)².

156

1 Перевод Андрея Кузнецова по изданию Latour B. (2016) How Better to Register the Agency of Things. *The Tanner Lectures on Human Values*, 34. Salt Lake City: The University of Utah Press: 79–117. Работа представляет собой публикацию двух лекций, прочитанных 26 и 27 марта 2014 г. в Йельском университете. Перевод на русский язык публикуется с разрешения издательства.

2 Выражением scientific humanities (humanités scientifiques) Латур, начиная с 2000-х, обозначает свою исследовательскую программу в исследованиях наук и технологий, которую он ранее называл антропологией наук, а ее нормативную версию — политической эпистемологией. Эти ярлыки дополняют и обогащают, а не замещают друг друга. В методологическом плане scientific humanities является эмпирической разработкой антропологии наук Мишеля Серра, в которой он посредством понятия перевода связал историю наук и гуманитарные дисциплины. Scientific humanities — набор приемов, которые учат начинать исследование не с автономных Науки и Общества (Политики), а с серии переводов или трансформаций, в ходе которой создаются объективные факты и прочные социальные связи. В терминах этого текста, scientific humanities прослеживают трансформацию списка действий (исполнений, свойств, актантов) в имя объекта (компетенцию, субстанцию, актора) целиком, избегая того, чтобы сосредоточиться лишь на какой-либо отдельной фазе или результате этого процесса. Это позволяет наделить наук и технологии смыслом, понятным неспециалистам, сделать их публичными, т. е. доступными для обсуждения широким кругом публик. Перевод *научные гуманитарные дисциплины* схватывает эту связь между изучением содержания наук и технологий и классическим гуманитарным образованием граждан. Но в онтологическом плане, scientific

Однако после просмотра новой документалки Фредерика Уайзмана «В Беркли» (2014) о повседневной жизни в офисах и аудиториях Университета Калифорнии в Беркли я осознал, что выбрал странное обозначение, так как, согласно этому фильму, оказывается, что наука подвергается атаке так же, как и гуманитарные дисциплины. И, заметьте, атаке не со стороны «социальных конструктивистов», которые отрицали бы надежность ее [науки]¹ выводов, а со стороны администраторов, финансистов и политиков, короче, со стороны перспективы, которую общо называют «оценкой», т. е. нового умонастроения, распространенного в развитом мире, которое перед закрытием департаментов более не думает ни о чем важном, а только о числе опубликованных статей и количестве заработанных денег.

То, что долгосрочная фундаментальная наука может быть поставлена под угрозу так же, как изучение древнегреческого, расшифровка глиняных табличек из Месопотамии или интерпретация метафизики Уайтхеда, может быть радикальным способом устранить знаменитый, чересчур знаменитый, «барьер между двумя культурами». Едва ли я мог подумать сорок лет назад, когда начинал свои исследования науки (или скорее, когда поле исследований науки только начало существовать), что нашей задачей будет не только прорвать барьер между двумя культурами, но и защищать две культуры вместе — культуру Науки так же, как и культуру Гуманитарных дисциплин — от медленной и, кажется, неодолимой формы обскурантизма. Уверен, вы слышали о начавшемся в Италии большом движении за замещение «фастфуда» «слоуфудом», но вы, возможно, не знаете о том, что Изабель Стенгерс, один из лучших примеров исследовательницы двух культур, должна была выступить с призывом к «медленной науке»: «Другая наука возможна! Манифест замедления наук» [Stengers 2013]. Попытка замедлить науки и вернуть их обратно на землю: разве это не превосходное определение гуманитарных дисциплин?

157

humanities также указывает на то, что, с одной стороны, саму человечность нельзя понять в отрыве от наук и технологий, а с другой — сами объекты изучения наук о Земле конституированы последствиями человеческой активности, что схватывается термином Антропоцен. В этом аспекте scientific humanities можно перевести и как *научный гуманизм*, понимаемый как дипломатия, т. е. набор институтов и процедур для разрешения научно-политических споров, игнорирование которых угрожает существованию самого человечества (см.: [Latour 2010]) — *Прим. перев.*

- 1 Здесь и далее за одним исключением в квадратных скобках указаны небольшие дополнения к тексту, сделанные переводчиком, чтобы сделать его удобочитаемым на русском языке. Скобки, в свою очередь, позволяют четко разграничить то, что можно обнаружить в оригинальном тексте и то, что было добавлено в него при переводе — *Прим. перев.*

Открывая третий фронт против исследований (scholarship) в широком смысле, то, что можно назвать манией отчетности, аудита и оценивания (по очевидным причинам я не решаюсь назвать ее третьей культурой), открывает новые возможности для всех тех исследователей (scholars), вне зависимости от их области, которых этот набор практик стремится задушить. Я хочу сказать, что сейчас, когда науки и гуманитарные дисциплины на одной стороне, сопротивляться этому смертельному тренду может быть легче. По крайней мере, [возникают] те возможности, которые я постараюсь подчеркнуть вместе с вами.

Агентность один: семиотика

158 Именно с помощью понятия «агентность» я перегруппировал некоторые из выводов, полученных мной в результате работы в исследованиях науки: отсюда название «Как лучше регистрировать агентность вещей». [Первая лекция] Агентность один касается семиотики, т. е. траекторий значения. [Вторая лекция] Агентность два будет касаться более трудного аспекта, а именно онтологии, или, вернее, «онтономии» (не автономии), т. е. пересечения того, что есть, и того, что должно быть, составления правил того, что есть. Я постараюсь говорить так, как если бы было возможно изобрести общий язык для тех, кто думал, что они находятся в двух разных и преимущественно противоположных лагерях, пока они не подверглись одним и тем же атакам с третьей стороны, склонной закрыть все центры научения. Таким образом, это [попытка изобрести общий язык] — упражнение в дипломатии: можем ли мы объединиться, чтобы противостоять новому врагу?

Чтобы удостовериться, что вы не возлагаете слишком много ложных надежд на то, что я собираюсь сказать, позвольте мне предостеречь вас вначале этой цитатой из Уайтхеда: «Критическая школа ограничивается вербальным анализом в пределах словаря. Спекулятивная школа апеллирует к непосредственной интуиции (insight) и старается показать ее значение путем дальнейшей апелляции к ситуациям, которые способствуют таким специфическим интуициям. Она, следовательно, расширяет словарь. Расхождение между школами — это ссора между безопасностью и приключением» [Whitehead 1938: 173].

Давайте «расширим словарь», немного замедлившись и беззастенчиво спекулируя. Если есть нечто общее у науки и гуманитарных дисциплин, то это привычка перемещаться взад и вперед между «актантами» и «актерами». [Слово] *актант* является частью семиотического жаргона, и я согласен, что оно может отпугнуть тех, кто обучен естественным наукам. Но как практика, она [эта

привычка] является довольно общим движением: все сущности, которыми манипулируют ученые, начинаются как списки действий и позднее медленно срastaются в имя объекта, который резюмирует или стабилизирует их для восстановления (retrieval) в дальнейшем.

Несмотря на то что так каждый день совершаются открытия, это настолько тривиальная трансформация, что она исчезает из виду, как только совершается. Например: эпизод один — хлопковый тампон сначала впитывает воду; затем, эпизод два — его называют «гидрофильным». Разница между двумя эпизодами (помимо использования часто исковерканной греческой этимологии!) в том, что впитывание воды — это действие, исполненное на каком-то лабораторном столе с каким-то материальным приспособлением какими-то людьми, которые еще не знают, каковы «свойства» изучаемого материала, тогда как «гидрофильный хлопок» — это хорошо познанная субстанция, одним из атрибутов которой является свойство впитывания воды.

Если снова использовать язык семиотики, то первое — это *исполнение* (вы не можете дедуцировать, что это такое, на основе медленной регистрации того, что оно действительно делает), а второе — *компетенция* (из того, чем оно является, вы можете заключить о том, что в будущем оно будет способно сделать то или это).

159

Различие между субстанцией и атрибутами можно сформулировать на философском наречии, но на этой стадии важно использовать это различие как *темпоральную* метку и всецело *практическое* различие: то, что во время t было именем действий, перечнем компетенций, экспериментом, сделанным людьми, не осведомленными о том, с чем они имеют дело, позже, во время $t+1$, становится именем субстанции, наделенной атрибутами. Хотя понятие субстанции можно попросить сыграть роль того, что лежит «под» свойствами, оно также, в более обыденной форме и в зависимости от того, как вы играете с этимологией слова *субстанция*, может означать то, что продолжает существовать (subsist) после стабилизации во всем снаряжении «мыслительного коллектива» (если использовать терминологию Людвига Флека) [Fleck 1935 (1981)]. Прежде чем оно превратится в философскую головоломку, с понятием «открытие» следует обращаться как с индексом темпоральной траектории от списка свойств к «перекрывающей» (covering) их субстанции во время $t+1$. (*Покрывтие* (recovery)¹ компетенции с помощью исполне-

1 Решение переводить слово «recovery» как *покрывтие* требует пояснения. Поскольку в тексте явно идет речь о том, что происходит впервые, о том, что принято называть открытием, при переводе из семантического поля

ний может быть лучшим термином для того, что обычно называют *открытием*.)

Гидрофильный хлопок слишком тривиальный пример, чтобы убедить кого-либо в вездесущности этого феномена быстрой трансформации свойства в атрибуты. Поэтому позвольте мне вместо этого

глагола «*recover*» были исключены все значения, связанные с повторным действием: *восстановление*, *возвращение* и т.п. Кроме того, в тексте есть слово «*retrieval*», связанное с «*recover*», которое разумно переводить именно как *восстановление*. Согласно толковому словарю Мерриам-Уэбстер (см.: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/recover>) у глагола «*recover*» есть ряд других значения. Во-первых, были рассмотрены значения *спасти от утраты* (to save from loss and restore to usefulness) и *получить окончательное судебное решение в чью-либо пользу* (to obtain a final legal judgment in one's favor). Эти значения частично удовлетворяют целям перевода. Латур говорит о том, что ученые борются за спасение актантов от несуществования и, в случае успеха, по сути, выносят оправдательные вердикты в их и в свою пользу. Но эти значения слишком латентны и неартикулированы в тексте. Во-вторых, были рассмотрены взаимосвязанные значения *взыскать* (to gain by legal process) и *извлекать* (to obtain from an ore, a waste product, or a by-product). Перевод *извлечение* (взыскание можно считать его сильно юридически окрашенным синонимом) кажется, на первый взгляд, подходящим. Очевидно, Латур продолжает здесь устойчивую в его творчестве тему анализа практик мобилизации и аккумуляции следов в одном месте (см. [Латур 2013]). Часть этого процесса — практики формализации и абстракции как серии извлечений или экстракций и дистилляций. Другая часть описывается в терминах (в том числе и в этом тексте) — резюмирования (summarizing), упаковки в черный ящик, сборки и др. Но нужно сохранить корень «крыт», чтобы пара *discovery/recovery* считывалась как противопоставление. Чтобы это сделать, можно использовать глагол «раскрывать». Компетенции раскрываются (т. е. извлекаются путем резюмирования) через список исполнений. При подстановке в текст такой вариант звучит приемлемо. Однако глагол *раскрывать* очень близок к глаголу *открывать*. Семантическое смещение, которого пытается достичь Латур, тогда почти полностью аннулируется.

Поэтому я остановился на другом переводе, который не столько вытекает из стандартных значений *recover*, сколько схватывает важную мысль в тексте: необходимо удерживать связь между именем объекта (компетенцией, субстанцией, актором) и списком его действий (исполнениями, свойствами, актантами). Другими словами, нужно укрывать (как одеялом или одеждой) компетенцию исполнениями и обеспечивать возможность вернуться (*retrieve*) от имени объекта к списку его действий. Это также устойчивый троп у Латура [Latour 1989: 101-28]. Но слово укрывать имеет слишком явную и ненужную коннотацию сокрытия. Поэтому я выбрал слово *покрывать*. При подстановке в текст оно звучит не так натурально, как *раскрыть*, но и не слишком «экзотично». Кроме того, оно сохраняет корень «крыт» и смысл, описанный выше. Наконец, поскольку слово *покрывать* оказывается занято, то я перевожу *cover* как *перекрывать*. — Прим. перев.

обратиться к общему месту в исследованиях науки [Pickering 1992]. Как некоторые из вас, возможно, знают, Гарольд Гарфинкель и его коллеги проанализировали куда более красивый и фундаментальный пример, когда им выпала возможность прослушать аудиозапись открытия оптического пульсара Коком, Диснеем и Тейлором [Garfinkel et al. 1981]. «Мы хотим дать отчет (report) об открытии 16 января 1969 г. в 3 ч. 30 мин. по всемирному времени (UT) сильных оптических импульсов от пульсирующего радиоисточника NP 0523 в Крабовидной туманности». Благодаря крайне редкой удаче в это самое время в обсерватории был включен магнитофон так, что была записана быстрая трансформация доказательного утверждения («оно», т. е. исполнения) в описательное утверждение («это», т. е. компетенцию)¹.

Дисней: (Сейчас у нас просматривается форма)

(0,4)

МакКаллистер: Ну::,

(1,0)

МакКаллистер: (Она) примерно такая, какую я видел в той части неба вон там, если чес'но².

(0,5)

МакКаллистер: На той(ий) сторо(хх)не неба славный про(хх)вал.

(0,5)

МакКаллистер: Я опущу пониже.

(2,5) ((звук машины — вероятно, переключателя усиления))

Дисней: У нас тут чертов пульс.

(2,0)

Кок: Э::й!

(4,5)

Кок: У::х ты.!

(1,2)

Кок: Думаешь, это действительно оно, да?

(2,0)

Кок: Бы::ть не может.

Дисней: Это прямо импульс в середине периода. (Смотри), то есть прямо импульс в середине (шкалы::).

(0,8)

Дисней: (Отсюда) пока действительно кажется, что что-то есть.

(Мне)

(0,8)

Кок: Хмм:!

161

1 Эти термины были предложены Альфредом Нортон Уайтхедом в книге *Понятие природы* [1920] в примере с клеткой льва (Р. 7ff).

2 Я благодарю Андрея Корбута за помощь в переводе этого и следующего фрагмента разговора между Коком, Диснеем и МакКаллистером. См. об обстоятельствах открытия пульсара на сайта Американского института физики: <https://history.aip.org/exhibits/mod/pulsar/pulsar1/01.html> — Прим. перев.

(3,0)

Дисней: (И) оно еще растет.

(Эй)

(1,0)

Дисней: Оно еще немного растет сбоку.

Этот редкий пример представляет большой интерес, потому что Гарфинкель, Линч и Ливингстон в мельчайших подробностях изучили (и одному Богу известно, насколько кропотливой может быть этнометодология!) метаморфозу от прогонов на экране обсерватории к тому, что они назвали «независимым галилеевым пульсаром». *Галилеев* — это ключевой термин, индексирующий метаморфозу от «оно» к «это», от имени удивительных действий к тому, что является субстанцией позади или вдобавок к этим атрибутам. Две стадии разделяют несколько минут. То, что было зависимым («оптически открытый пульсар»), стало полностью «независимым» в очень специфическом режиме установления научных референциальных путей, который я для краткости называю референцией (REF):

1. Пульсар изображается как причина всего, что видят и говорят о нем.
2. Он изображается как существующий до и независимо от любого метода его обнаружения и всякого способа говорить о нем.
3. Технически детализированные феномены пульсара сделаны анонимными благодаря тому, что Кок и Дисней находятся в их присутствии в качестве свидетелей и авторов [Garfinkel et al. 2011: 218].

Восхитительное достижение этой статьи (известной как астрономам, так и социологам науки) в том, что авторы не упускают из виду ни одной точки темпоральной траектории, чтобы зафиксировать такую метаморфозу: как только второй прогон вносится в отчет (accounted as) как «подобный» первому удивительному прогону, то активные, страстные, всецело воплощенные открыватели уже уверены, что столкнулись не с артефактом, и они с радостью пересказывают к выводу, что пересеклись с субстанцией, обладающей в качестве одного из своих атрибутов способностью оставлять след на их экране. То, что продолжает существовать благодаря их работе, теперь где-то там снаружи. Их наивные и трогательные возгласы в тот момент, когда они осознают, что феномен обладает таким постоянством, доказывают, насколько они осведомлены о том, что находятся на пересечении двух траекторий, движущихся в одном и том же направлении: траектории их терпеливой работы в лаборатории и траектории пульсирующего оптического сигнала, который теперь устойчиво фиксируется посредством различных институтов астрономии.

2. Наблюдение № 18

Дисней: Это исторический момент.

...

Кок: Я надеюсь, что это исторический момент

...

Кок: Мы узнаем, когда получим другое показание и, эм, если этот — (0,4)

Кок: зубец (там) опять прямо посередине, видите, он прямо посередине —

...

Кок: Этот зубец прямо посередине, и это меня пугает.

Нам понятно их возбуждение; они могут гордиться тем, что сделали: отныне существуют оптические пульсары и существуют открыватели таковых. Новое качество мира было покрыто и зарегистрировано при условии, что фронт ударной волны, частями которого стали и открыватели, и «их» оптический пульсар, продолжает расширяться во времени и пространстве. Как для открывателей, так и для открытия время играет существенную роль.

Прежде чем мы далее исследуем то, что я называю «метаморфным» качеством такого события, я хочу подчеркнуть, что переключение (shift) от исполнения к компетенции может предложить общее место, совместно используемый словарь, для науки и гуманитарных дисциплин. По сути, его можно использовать стилистически, чтобы отличить статью в естественных науках от текста по литературе или критической теории. Когда большая часть акторов, мобилизованных в нарративе, *не* познана заранее, вы должны сделать их знакомыми читателю путем [описания] мельчайших деталей их поведения. Только после того, как вы собрали достаточное количество этих поведения, возникает возможность резюмировать их действия с помощью стенографии их имени. Агентность добавляется к действиям. Научные статьи решают этот вопрос нехватки знакомства, прибегая к самым элементарным особенностям восприятия — например, в случае пульсара, показывая в тексте сам граф импульса, оставленный тем, что начало срастаться в действие оптического пульсара.

Несмотря на то что вам нужно много учиться, чтобы интерпретировать легенду к этому слайду, вам нужны лишь самые элементарные когнитивные навыки, чтобы определить зубец. И голубь сможет это! Таким образом, в естественных науках есть прямая связь между нехваткой знакомства с актантом, требующим покрытия, и простотой перцептивных суждений, которые должен сделать читатель. Или, скорее, я должен сказать, что то, что мы называем «естественная наука» — это зачастую осознание того, с чем вы столкнулись, всякий раз, когда читаете статьи, построенные на такой большой разнице между видимым и непознанным.

Вот откуда берется относительная непрозрачность научной литературы: вы постоянно должны прибегать к элементарным восприятиям, чтобы достичь знакомства с сущностями, которые до этого не имели обыкновенного присутствия в мире. Невидимое и далекое медленно строится из последовательных слоев изумительно простых перцептивных суждений, которые должны быть собраны один за одним с как можно меньшим разрывом между каждым из слоев. И, конечно, как всем нам до боли известно, разрыв никогда не бывает столь мал, чтобы мы не рисковали собрать артефакт, а не раскрыть (uncovering) факт. Верно то, что покуда сборка не завершена и слои не сшиты гладко, вы не получите инверсию от имени действий к агентности. Набор атрибутов остается пазлом, готовым упасть со стола или стаяй воронов, готовых разлететься.

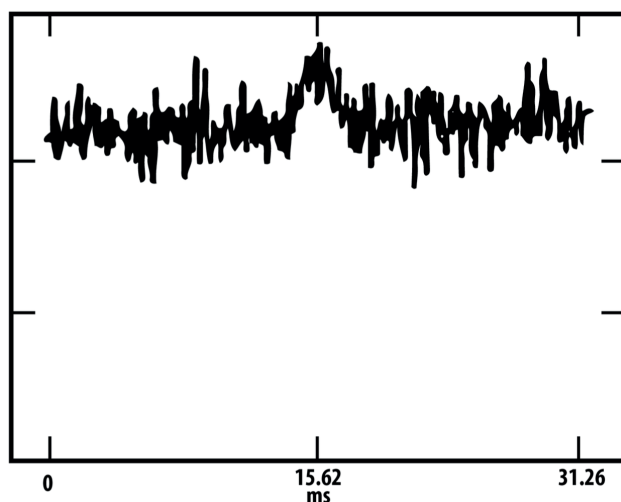

Рисунок 1¹. Первый импульс наблюдался на экране компьютера средних переходных величин (САТ), 16 января, 1969, 3 ч. 30 мин. UT, с дугой диафрагмы 22 и накоплением в 5000 периодов. Масштаб амплитуды произвольный. Последние 2 мс периода импульсов не поглощены САТ.
Источник: [Garfinkel et al. 1981 (2011)].

Эта встроенная непрозрачность научной литературы усугубляется множеством феноменов, обозначенных сокращениями, которые нужно было предварительно покрыть, чтобы выявить новые восприятия. Эти «черные ящики», как мы их называем, обозначаются специальными терминами и зачастую, и во времена еще бо-

1 В публикации на английском языке подписи к рисункам 1 и 2 перепутаны местами — Прим. перев.

лее маниакального [следования принципу] «публикуй и погибай», аббревиатурами разного рода. «Импульсы наблюдались 16, 17, 18 и 20 января (УТ) с помощью 36 дюймового f/5 отражающего телескопа Обсерватории Стюарда и фотоумножителя IP21. Они наблюдались в реальном времени на катодно-лучевой трубке 400-канального компьютера средних переходных величин (САТ). САТ складывает последовательные циклы формы сигнала пульсации, совпадающие по фазе» [Ibidem].

В подобном предложении нет ничего особо неясного или даже сложного, кроме как для таких, как я, кто не знаком с тем, из чего состоит «отражающий телескоп» или «фотоумножитель» IP21 или САТ. Впечатление сложности возникает из-за невежества. (Конечно, я могу научиться тому, что означают эти элементы, но тогда я должен был бы, в отношении каждого из этих терминов, пройти от имени объекта к каждому из его имен действий, от того, что он есть, к тому, что он делает. Вот что значит научение: обратить вспять движение, превращающее их в сущности.) В этом смысле черный ящик никогда не бывает по-настоящему черным; он просто сделан из полутражающего покрытия, непрозрачного для новичков и прозрачного для специалистов. Точнее, та легкость, с которой пробегаете глазами множество уже знакомых вам черных ящиков — или проскакиваете их, когда торопитесь, — определяет вас как специалиста, которому адресована эта статья о пульсарах.

165

Все это довольно хорошо известно, но что не так часто подчеркивают, так это то, что для тех, кто пишет в гуманитарных дисциплинах и социальных науках, ситуация точно такая же, хотя и перевернутая. Специфическая непрозрачность их отчетов происходит из тяжелой работы, которую им нужно проделать, чтобы противодействовать знакомству, которое, по убеждению их читателей, дает им доступ к персонажам, действующим в нарративе. Если я, например, пишу статью о капитализме, читатели не замедлятся и не будут озадачены так же, как могли бы, услышав о «сильных оптических импульсах от пульсирующего радиоисточника NP 0523 в Крабовидной туманности». Они ускорятся и начнут наделять сущность «капитализм» огромным количеством атрибутов, как если бы они могли «дедущировать» их из его предшествующего существования. Чтобы замедлить читателей, нам придется умножать пугающие кавычки и писать длинные, да, часто извилистые пассажи, до тех пор пока не достигнем того же состояния озадаченности, что и естественные ученые, пораженные удивительным зубцом, сделанным пишущим устройством на экране их инструмента. Как далеко нам нужно спуститься, слой за слоем, к элементарным особенностям действий, прежде чем можно будет по кирпичикам заново построить разумное и реалистичное определение капитализма?

И, возможно, концепт целиком — это артефакт, который нужно, как они говорят, «деконструировать», прежде чем он будет полностью замещен и пересочинен (recomposed). И подумайте о том, что потребуется, чтобы разобраться с пачками импровизированных концептов, таких как «гендер» или «Франция».

Когда естественные ученые, забывая о непрозрачности своих текстов, высмеивают непрозрачность множества наших работ, то это потому, что они не осознают, насколько им с их непротестированными претендентами (claimants) на существование легче — о, намного легче! — достичь дистанции и нехватки знакомства, которые мы в наших областях должны порождать сущим упрямством и кропотливыми расследованиями, работая с такими же, как и у них, искусственными устройствами в наших плохо оборудованных лабораториях (я имею в виду наши студии и библиотеки).

Я помню, как Роже Гиймен, мой ментор в период написания книги *Лабораторная жизнь* [Latour, Woolgar 1986], жаловался, что «наука — это не самоочищающаяся духовка» и что его область, нейроэндокринология, была обременена многими притязаниями (claims), которые были «даже не ошибочными» (одно из его любимых выражений) и которые у него не было ни времени, ни терпения «деконструировать» (последнее слово не было частью его вокабуляра: он был совершенно допостмодерным!). Но как мы можем писать прозрачно и прямо, когда обнаруживаем так много концептов, сущностей, определений, нуждающихся в реконструкции? Естественные ученые [пишут] непрозрачно, потому что покрывают новые феномены, мы — непрозрачно, потому что должны покрыть новизну множества старых феноменов. Общее то, что все мы населяем мир сущностями, к которым прикреплены — или в нашем случае *переприкреплены* — длинные серии действий, из которых они происходят или к которым ведут. Таково, как мне кажется, общее пространство, занимаемое наукой и научением. Назовем это двойное движение «исследованием» (scholarship), чтобы перекрыть оба термина: никакого имени объекта без имени его действий, никакой компетенции без ее исполнений, никакого прагматона без того, что он делает (переформулируя в несколько иной форме определение прагматизма Уильяма Джеймса) [James 1907 (1975)].

Именно присутствие этой общей почвы (common ground) между различными областями исследования позволяет археологу, специализирующемуся на изучении каменных орудий культуры Кловис, понять, что увлекает инженера наноматериалов или почему антрополог [племени] Анга в Новой Гвинее проведет десять лет, реконструируя их ритуалы инициации с той же педантичной страстью, что и астрономы, с которыми мы только что встретились. Это делает их частью одного и того же *университета*. Не потому, что их находки

подобны, не потому, что они неопровержимы, не потому, что они «универсальны», но потому, что они разделяют одну и ту же фундаментальную черту: когда есть агент, то можно полностью восстановить список поведения, сочиняющих эту агентность.

Поразительно то, что чем формализованнее некоторая область, тем будет заметнее, что компетенции и исполнения будут склеиваться без разрыва. Если есть определение математических объектов, разделяемое какой угодно философской позицией, к которой вы можете быть склонны, то оно состоит в том, что эти объекты полностью описуемы тем, что они делают. Математические объекты, так сказать, *рождены прагматическими* в том смысле, что они ведут себя именно так, они были определены (ну почти) так, что то, что означает субстанция, и то, что означают атрибуты, полностью обратимо. Множество маленьких разрывов, которые нужно зашить и медленно сгладить, чтобы сделать объект повседневного мира (такой как оптический пульсар), не такое докучливое в случае формальных сущностей, поскольку их поведение, как говорят, «полностью диктуется» их определением. Конечно, есть множество разрывов [Rotman 1993] (если бы не было, то доказательство (demonstration) ничего не давало бы), но всегда можно перепрыгнуть через каждый из этих разрывов после того, как вы вернулись по пройденному вами пути, не опираясь на какую-либо другую сферу. Никто не показал это лучше, чем Ревиль Нетц на величественном примере греческой геометрии, проследив, как это «чудо» — иначе и не назовешь — стало возможным благодаря открытию очень специфичной скриптовизуальной процедуры. «Поэтому я полагаю, что одна часть ответа на вопрос “почему обоснования (proofs) в греческой математике такие, какие они есть” состоит в том, что обоснования отделены от более широких дискуссий так, что их структура полностью автономна. Занимаясь математикой, не занимаются больше ничем. Вместо многомерной структуры интересов и импликаций естественного дискурса, греческая математика абстрагирует математические отношения. Это, пожалуй, очевидно для науки, но у греческой математики не было предшествующей ей науки, которой можно было бы подражать в этом отношении» [Netz 2003: 214].

«Занимаясь математикой, не занимаются больше ничем». К сожалению, именно этим Платон не ограничил свои занятия, отсюда и изобретение, по Нетцу, формалистского определения формализма, породившего столько путаницы в философии и политике [Latour 2008: 441-59]. Формализм дает огромное преимущество, но это не сильно отличает его от того, что делается в других областях исследования: просто формализм одновременно и легче (никакой компетенции без исполнения), и тяжелее (вы должны придерживаться пути доказательства (demonstration), шаг за шагом, не соскакивая

в любой момент, чтобы использовать другой источник информации в случае разрыва в цепочке). Это приводит к огромным различиям в навыках, но не к несовместимости между сферами. В этом смысле формализм — это тоже исследование.

Такая общая почва представляется мне реалистичней обычного разделения между «нотетическими» и «идиографическими» дисциплинами, или более изысканного различения Яном Хакингом разных «стилей рассуждения» [Hacking 2002: 1-14]. Действительно ли существует такая оппозиция между науками о природе и науками об интерпретации? Я повсюду следовал за учеными в течение со-рока лет и ни разу не видел ни одного, которому не нужно было бы интерпретировать множество разрозненных следов, которые были собраны, чтобы превратить набор исполнений в компетенцию. Ни один исследователь не дедуцирует как робот. Таким образом, все ученые — братья и сестры экзегетики, матери всех интерпретативных навыков (бабушкой является то чтение тонких следов, за которым антрополог Тим Инголд так умело научил нас следовать) [Ingold 2007]. Исследование и интерпретация — вот из чего должен состоять университет.

168

Что заставляет верить исследователей, что они находятся в разных лагерях, так это то, что их работы непрозрачны друг для друга. Правда, что все эти различные формы непрозрачности могут быть раздуты: специальный жаргон рискует разрастись либо из-за ненужного умножения аббревиатур и греко-латинской тарабарщины, либо из-за умножения абзацев и игры со словами и этимологиями и нелогичными замечаниями, либо из-за навязывания бесполезного формализма, когда он не нужен. Но даже над этим не нужно издеваться, потому у наших общих противников, помните, у тех, кто хочет избавиться от всего, что их замедляет, на уме лишь *одна* модель: они уже знают, из чего сделан мир (кому нужны новые агентности!) и как зарегистрировать их [этих агентностей] поведение (клише вполне справятся с этой задачей, неproblemатично и моментально перенося их значения на другой конец планеты). Питаемые этим источником энергии, который я называю «Двойной Клик», они думают на скорости света. Не нужны пугающие кавычки, не нужны новые инструменты, не нужна литература, не нужны гуманитарные дисциплины, не нужна критическая экзегетика. «Не крохоборствуйте».

Боюсь сказать, что все мы, те, кто работает в лабораториях, так же как и те, кто работает в библиотеках, — крохоборы. Собираение того, что зачастую мало как крошка¹ — это единственный способ удосто-

1 В оригинале Латур использует выражения «to split hairs» и «hairsplitter» и в идиоматическом значении (спорить о мелочах, крохоборствовать),

вериться, что позади концептов и сущностей — субстанции — сохраняется длинная серия свойств, делающих их существующими, а не наоборот. Никогда не встречал актора без его сетей. Вы можете упаковать их в черный ящик, но черный ящик — это не клише. Содержание черного ящика полностью подотчетно, если использовать термин Гарфинкеля, что в дополнение к философии расследования (inquiry) является этикой исследования (research) [Garfinkel 2002]. Так что, похоже, наш лозунг (mot d'ordre) против угрозы двум культурам должен быть таким: «Крохоборы всех дисциплин, объединяйтесь!»

Прежде чем возобновить мои усилия по сбору еще большего количества крох, я хочу дать вам возможность [воспользоваться] небольшой шпаргалкой, чтобы удостовериться, что вы все еще со мной. Я использую старый пример, предложенный Франсуазой Бастид, физиолога, ставшей семиотиком греймасовской школы, работа которой о внутреннем механизме научной статьи была очень важна для меня и заслуживает большей известности. Тест довольно прост: можете ли вы определить, что общего у этих двух абзацев? [Latour, Bastide 1986].

[3] Процессия медленно продвигалась по извилистым улицам старого города. С высоты колокольни я легко мог различить маленьких скаутов, музыкантов и Сынов Франции, и людей из церковного совета, несших балдахин. Толпа выстроилась вдоль каждого тротуара, и хотя большинство из них были лишь воскресными прихожанами, они тихо слушали, как проходили молясь Дочери Марии. Однако я заметил, что на каждом перекрестке скауты, которым не терпелось заморить червячка в штабе капеллана, с трудом пробивались сквозь праздношатающихся. Они переходили с одной улицы на другую, срезая углы [в движении] процессии, а затем рассеивались в направлении увеселительной ярмарки. Двигаясь от главных улиц к аллеям, процессия теряла своих детей или мало-помалу сточилась до ядра благочестивых, но немолодых душ.

[4] Изложенные результаты отлично объяснимы, если принять гипотезу, что стенки сосудистых и мочевых «шпилек»¹ гораздо более проницаемы для воды, чем для натрия. Это привело бы к противоточному водообмену между восходящей и нисходящей ветвями. Если стенки протоков более проницаемы для воды, то «поперечная диффузия» должна вызывать переход части меченых молекул воды, циркулирующих в нисходящих ветвях, в восходящие ветви путем обмена на каждом уровне.

и в буквальном значении (расщепление волос). Чтобы сохранить это переключение между переносным и буквальным значением, я перевожу «to split hairs» и «hairsplitter» как «крохоборствовать» и «крохоборы», а образ расщепления волос заменен образом собирания крошек. — Прим. перев.

- 1 В русскоязычной литературе такие сосуды называются U-образными петлями — Прим. перев.

Уверен, вам не составило труда сдать этот маленький экзамен: верно, два разных нарратива, но один древовидный граф действия. Тогда как в первой истории, на извилистых улицах моего родного города Бон, в Бургундии, медленно концентрируются благочестивые души «Дочерей Марии»; во втором — за счет противотока в «шпильках» почек хомяков медленно концентрируется натрий. В первом абзаце на каждом перекрестке утекают маленькие скауты, тогда как во втором — радиоактивно помеченная вода. За явной разницей между некоторыми эпизодами из юности писателя и серьезной научной статьей прослеживается общий набор сил.

Вот где различие между актантом и актором становится видимым. Внешне нет никакого сходства между городом и почкой, но если рассмотреть более глубокое движение постепенной концентрации посредством своего рода восходящего и нисходящего механизма, они [город и почка] могут обрести альтернативные фигуры. И дело даже не в том, что второй [абзац] можно было бы считать более эзотерическим, чем первый, потому что если верно, что «поперечная диффузия» может быть термином, известным лишь физиологам (а также водопроводчикам, поскольку они многое знают о противотоках в теплообменниках!), то я уверен, что никто из вас не имеет представления о том, что может означать [термин] «Сыны Франции» — что до «Дочерей Марии», то это, я боюсь, весьма локальная и к настоящему времени полностью исчезнувшая религиозная ассоциация моей юности.

170

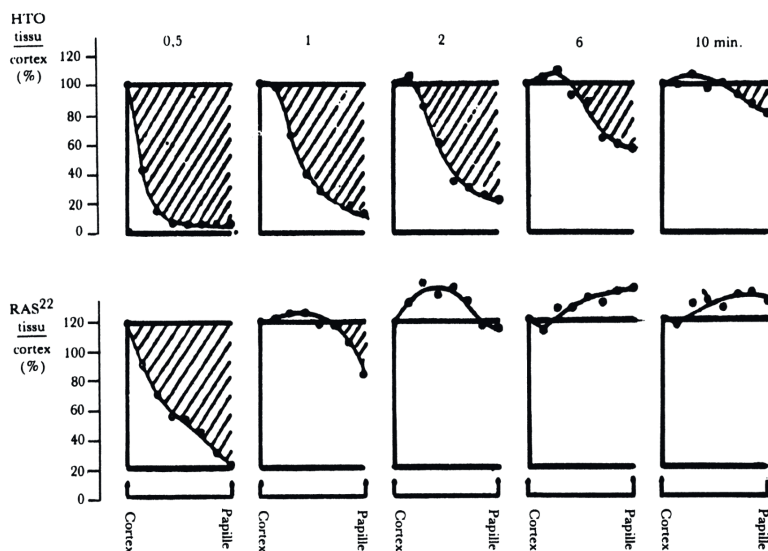

Рисунок 2. Оборот воды и натрия, с течением времени, в различных отделах почек (перерисовано с оригинала).

Ось абсцисс: разные отделы почки, определенные в таблице 1.

Ось ординат — *сверху*: радиоактивность воды в тканях (имп./мин/мг), выраженная в процентах от радиоактивности в кортексе; *внизу*: удельная радиоактивность натрия (имп./мин/мкг Na), выраженная в процентах от удельной радиоактивности в кортексе. Цифры в верхней части рисунка обозначают для каждой кривой временной интервал (мин) между введением изотопов и удалением почки.

Источник: [Latour, Bastide 1986].

Конечно, между двумя нарративами есть ключевая разница, хорошо подчеркнутая Бастид: делегированный автором наблюдатель на колокольне наделен способностью рассматривать феномен целиком как один непрерывный отрезок, тогда как физиолог должен реконструировать во времени поток натрия в почке путем сохранения следов множества последовательно убитых хомячков и реконструкции виртуальной судьбы одной натриевой процессии по набору стоп-кадров, снятых через разные интервалы [Bastide 1990: 187-230]. Преимущество писателя первой истории в том, что нам нетрудно вообразить движение процессии (мы опираемся на схожие примеры, даже не зная город Бон), тогда как писатель второй истории должен сделать так, чтобы читатель вообразил сглаженный процесс на основе последовательности отдельных изображений, которые должны быть показаны в таблице. Здесь мы опять замечаем, как и в случае оптического пульсара, что всякий раз, когда феномен невидим, единственный способ зарегистрировать его — это прибегнуть к еще более простым перцептивным суждениям и набору простых конвенций (чтению кадров слева направо, как в комиксе; соединению точек и сравнению различных областей). В случаях процессов и процессий движение воображается: без вымысла никакая наука не была бы возможной.

Этот небольшой пример может показаться слишком тривиальным, но я прошу вас принять его в качестве простого указателя, обозначающего под с виду огромным различием между, скажем, наукой и литературой, объективным утверждением и нарративами, нечто еще, что я называю, за неимением общепринятого термина, *метаморфной зоной*, из которой возникают все агентности. На моем жаргоне приставка *мета* означает просто, что в дополнении к антропоморфным персонажам (скаутам, Дочерям Марии) и физиоморфным персонажам (противоток, натрий, радиоактивно помеченная вода) есть нечто еще, что определяет их роли и распределяет их движение, нечто, что должно работать прежде этого разделения и от чего всегда зависит форма — отсюда слово *морфный* — вещей, о которых ведется повествование. Далее в лекции я постараюсь изложить это понятие точнее.

[Слово] *метаморфный* также обозначает место, локус, преобразователей (changers) формы, тех, кто способен переключать по кругу роли и фигуры и наделять формой феномены, к которым они обращаются — или, точнее, которые пересекают их [Latour 2011]. К сожалению, у нас есть только аудиозапись открытия оптического пульсара, но еще показательнее было бы иметь видеозапись их жестов. Когда ученые объясняют, что они делают — и все равно, говорят ли они о математических объектах, естественной науке, социальных науках или гуманитарных дисциплинах, — их жесты обозначают именно тот локус, где совершенно разные регистры обмениваются своими свойствами. Как сказал Патрик Блэккетт: «Экспериментальный физик — это мастер на все руки, разносторонний, но непрофессиональный ремесленник. Он должен выдувать стекло, точить металл, плотничать, фотографировать, прокладывать электрические цепи и владеть всевозможными гаджетами; образование инженера может оказаться для него неопределимым, и он всегда может извлечь выгоду, используя свои таланты математика. Такой деятельностью он будет заниматься три четверти своего рабочего дня. В остальное время он должен быть физиком, т. е. должен культивировать близость с физическим миром» [Blackett 1933: 67-96].

172

Ученые за работой принимают на себя, буквально на свою плоть, пересекающие их силы, для которых не было бы имени, если бы [ученые] не делали так, чтобы они действовали. Они становятся черными дырами, древними империями, экзотическими ритуалами, глубокими концептами — или, точнее, они дают этим сущностям агентность, которой у них не было бы, если бы они не создавали это место обмена [свойствами] [Coormans et al. 2014]. Вот почему я никогда не думал, что [понятия] объективности и субъективности могут наделить смыслом научное открытие.

Удивительно, но это место обмена еще заметнее, когда ученый не может сделать какого-либо жеста, ни даже говорить, как Элен Миале показала в ее исследовании физика Стивена Хокинга, заключенного в своем кресле-каталке [Mialet 2012]. В его случае даже «жест в направлении черной дыры» возможен только благодаря активации обширной организации инструментов, синтезаторов речи, медсестер, врачей, помощников и переводчиков, соединяя, таким образом, в одну сущность тело активного ученого и институт науки, отсюда и название ее книги *Хокинг инкорпорейтед*. Самое нематериальное и самое материальное сплавлены вместе; между собой связаны самый большой космический порядок и самый маленький офис в Кембридже. Это красивый пример фронта ударной волны, с которым мы уже встречались.

Проблема в том, что очень трудно сосредоточить внимание на этой метаморфной зоне, не теряя ее из виду. Вдобавок я пре-

красно понимаю, что слово *нарратив* и, что еще хуже, фраза *рассказывание историй* не пройдут проверку у естественных ученых, даже если они принимают такие термины, как *интерпретация*, *экзегеза* и *исследование*, которые я предложил в качестве общего зонтика для всех дисциплин, собранных в университете (то есть университете крохоборов...). Как только сущность была трансформирована в субстанцию — а именно, как только произошло ее переключение и перевертывание от имени действий к имени объектов, от «оно» к «это», от «исполнения» к «компетенции» — то сразу же субстанция расходится во времени и пространстве и теперь ее невозможно соединить с ее открывателями (за исключением тех случаев, когда к ним обращаются, чтобы обналичить призы и награды...). Вот что Гарфинкель закодировал словом *галилеев* [пульсар], хотя слово *платонов* указывало бы на ту же самую трансформацию.

Это деликатный переход (*passage*), и я прошу вас проявить терпение: редукционизм может означать как минимум две разные вещи: одна — это *редукция* субстанции к ее атрибутам; другая — *замещение* атрибутов субстанцией. Два значения ведут в совершенно разных направлениях. Редукционизм в первом значении — это общее свойство всех дисциплин исследования: всякий раз, когда у нас есть агентность, мы должны быть способны восстановить набор действий, из которых она возникла в качестве агента. Вот что значит выражение «быть подотчетным», и опять-таки это также то, что Джеймс определил как главный принцип прагматизма. Это верно для такого странного понятия, как «различание» из жаргона Деррида, а также для множества путей, которыми может действовать ген, или для определения бозона Хиггса. Вам нужно показать, что оно делает, если вы хотите сказать, чем оно является. Мы называем исследователями или учеными тех, кто способен описать через их атрибуты (т.е. через некоторого рода испытания) агентности, которыми они населяют мир.

Проблема в том, что редукционизм, теперь уже во втором значении, прямо противоположен этому: стоит только вам овладеть агентностью, вы можете почувствовать, что теперь вам позволено полностью избавиться от связывания ее со списком действий, для которого она более не резюме, а источник. В первом значении редукционизм — слава всех наук; во втором — это проклятье науки, породившее то, что часто называют «научным мировоззрением», и отбившее у многих людей охоту заниматься исследованием (*research*). Одно значение делает вас, так сказать, «друзьями интерпретируемых объектов» [Тамен 2001]; другое делает вас тем, кто думает, что от задачи описания можно избавиться. В одной версии вы полностью подотчетны; в другой вы более не подотчетны.

В известном предложении из книги *Понятие природы* Уайтхед требовал, чтобы мы различали два значения редукционизма, когда говорил, что: «Для натурфилософии все воспринимаемое есть в природе. Мы можем не перебирать. Для нас красное свечение заката должно быть такой же частью природы, как молекулы и электрические волны, которыми люди науки объяснили бы феномен. Именно натурфилософия должна анализировать, как связаны между собой эти различные элементы природы» [Whitehead 1920: 29].

Если мы «можем не перебирать», то это потому, что регистрация одного феномена не может элиминировать из мира регистрацию любого другого: после того, как «красное» путем обратной инженерии было трансформировано в «электрические волны», «свечение заката» *все еще там*, со всеми своими свойствами, требующими описания. Мир светящихся закатов без электрических волн действительно был бы трагически обедневшим миром, но таким же был бы и мир, где «электрические волны» «элиминировали» бы великолепие закатов. Именно здесь два значения редукционизма врезаются друг в друга — «элиминативизм» является философским эквивалентом того, что в геополитике называют «этнической чисткой».

174

В заключение этой половины лекции позвольте мне привести пример, в точности подобный конфликту между «красным» и «закатом», но где ситуация не воображается неким кабинетным философом, но построена как то, что я называю «дипломатической встречей». В *Исследовании режимов существования* [Latour 2013] мы умножали такого рода ситуации, где притязание (claim) одного описания более не способно элиминировать из существования притязание другого описания. [Мы это делали] не из-за какого-то безразличия к истине — того, что люди часто называют «релятивизмом» — а по совершенно другой причине: а именно, чтобы зарегистрировать больше реальности благодаря использованию большего количества онтологических шаблонов. Плюрализм здесь понимается не как плюральность точек зрения на одну и ту же реальность, но как множество типов агентностей, чтобы зарегистрировать больше реальности — отсюда фраза «режим существования».

Уверен, у вас был опыт, когда люди используют в качестве своего шаблона так называемое РазумТело, то становится очень трудно не «перебирать». Их руки неизбежно начинают невольно плясать слева направо, как если бы в каком-то трансе, «или» это Разум «или» это Тело, либо это какая-то «психосоматическая» смесь того и другого. Вот поэтому в феврале 2014 года я устроил ситуацию, в которой описывать феномен, используя клещи РазумТела, было так же невозможно, как для лисы и журавля из одноименной басни есть из тарелок друг друга.

Участники выбрали кейс хореи Гентингтона, «дегенеративного» состояния, вызванного одним-единственным геном, для которого есть тест, но не лечение. Хорея Гентингтона, таким образом, идеальный кандидат, чтобы играть роль «Тела», т. е. каузального тела, столь любимого редукционистами из второй категории: один ген, одно состояние, верная смерть¹. Однако мы усложнили дело тем, что среди участников были две представительницы очень оригинальной пациентской организации под названием Dingdingdong (DDD) — Эмили Эрман и Валери Пийе². Обычно от пациентов ожидают, что они занимают позицию тех, кто страдает во плоти (плоти или теле?), и что они высказываются о своем жизненном опыте болезни — или что они жалуются на недостаток финансирования исследований, или на то, как плохо Служба социального обеспечения возмещает им их расходы. Но эти две представительницы, вдохновленные активистами борьбы со СПИДом, претендуют на то, чтобы создать знание о болезни Гентингтона, а не просто субъективную интерпретацию того, что значит переживать болезнь. Эмили и Валери создали не что иное, как «исследовательский институт».

Теперь мы еще больше усложнили ситуацию, пригласив Аллана Тобина, исследователя мозга с большой репутацией, который сам сыграл важную роль в открытии гена и в прослеживании путей, которыми болезнь активируется в мозгу [Tobin, Signer 2000: 531-6]. Как это всегда бывает, когда вы приближаетесь к исследованию, то ученые не элиминативисты: как и следовало ожидать, Аллан начал позволять генотипу, а затем и мозговым связям распространяться во всевозможных неожиданных направлениях. Даже в этом случае действие гена не является прямолинейной историей (affaire): оно открывает множество путей. Вскоре активисты DDD и исследователь мозга начали говорить друг с другом, применяя максимум «В натурфилософии мы не можем перебирать». Клещи РазумТела исчезли.

Это произошло в особенности потому, что я, несколько лукаво, усложнил ситуацию еще больше, добавив к пиршеству еще одного сотрапезника, этнопсихиатра Тоби Натана, ученика Жоржа Деверо³. Так что, когда первые гости вступили в дискуссию о «непроизвольных движениях» — о том, что называется «хореей» и что дало имя болезни Гентингтона — и когда они начали осознавать, что «науч-

175

1 <http://www.modesofexistence.org/workshop-met-mindbody-a-report/>

2 “*Dingdingdong Manifesto*,” translated by D. Bright. Paris, 2013. <http://dingdingdong.org/a-propos/dingdingdong-manifesto/>

3 Теперь он более известен благодаря фильму Арно Деплешена «Джимми Пикар» (2013), в котором забытая фигура Деверо была воскрешена камерой.

ное» понятие было небесспорно, Тоби, как если бы его укусил паук, вдруг рассказал историю тарантеллы, этого танца, ритуала и терапевтической музыки в южной Италии.

Оказалось, что Валери участвовала в танцевальном классе, открытом для пациентов с [болезнью] Гентингтона, где шаг за шагом начали сливаться вместе якобы «патологический» танец и якобы «развлекательный» и «художественный» танец. Что значит «иметь» такую болезнь, т. е. быть пересеченным этими движениями, было открыто для переописания. К гену было добавлено много других агентностей, делающих так, чтобы пациенты двигались. «Перебирать» стало невозможно. Мы оказались в совершенно другой ситуации, чем можно было бы ожидать, используйте [мы] РазумТело в качестве нашего шаблона. И, конечно, здесь была совсем другая моральная ситуация, поскольку теперь было непредставимо сказать тем, кто только что узнал, что они носители гена, вызывающего хорею Гентингтона (помните, что есть тест, но ни малейшего лечения): «Извините, это дегенеративное состояние, заканчивающееся деменцией и верной смертью. Это ваша судьба». В конце концов, слово *дегенеративный* может быть не совсем точным для описания [болезни] Гентингтона. В РазумТеле есть яд, который DDD попытались извлечь из описания — да, описания — болезни. В этой точке натурфилософия встречается с политикой.

176

По окончании этой части лекции об агентности у нас есть два определения того, что значит делать исследование и быть «друзьями интерпретируемых объектов»: одно означает быть крохоборами, другое — «не перебирать». Следующая задача — следовать предписанию Уайтхеда: «Именно натурфилософия должна анализировать, как связаны между собой эти различные элементы природы». В конце концов, старый и уважаемый термин *натурфилософия* может стать лучшим зонтиком для университета. Большая ирония состоит в том, что массовое движение к дисциплинированию, подрыву и ослаблению фундаментальной науки, а также гуманитарных дисциплин осуществляется во имя «подотчетности». Если вы следовали за мной, то быть подотчетным означает прямо противоположное тому, что говорят об этом оценщики, администраторы и финансисты: [быть подотчетным] значит доказать не то, насколько полезным является исследование, как быстро оно обернется прибылью, насколько эффективно оно для дизайна продукта, но то, насколько надежно все мы можем прикрепить определение действующего в мире агента к набору свойств, определяющих такого агента. Я должен изменить лозунг, предложенный ранее: «Против тех, кто перебирает, крохоборы всех профессий и стран, объединяйтесь!»

Агентность два: онтология

В предыдущей части лекции я попытался предложить общий знаменатель для различных областей исследования, основываясь на понятии агентности. Я заявил, что исследователи, какими бы многочисленными ни были различия в навыках, которыми они овладевают, — это те, кто пытается удостовериться, что, когда в мир добавляют агента, его диспозиция (или его компетентность, его субстанция, его сущность; слово не имеет слишком большого значения) всегда связана с его действием (или его исполнениями, или его актуальностями, его атрибутами, его свойствами; здесь опять слово не имеет значения). Такая связь удостоверяет, что всегда можно перейти от испытаний, посредством которых медленно собирались свойства, к сущности феномена или, наоборот, — от его сущности обратно к ситуативной, приземленной, материальной установке (*setup*), из которой оно появилось. Я утверждал, что именно эта двойная связь гарантирует подотчетность дисциплины. И вдобавок я заявил, может быть, слишком полемически, что такой способ быть подотчетным не имеет ничего общего с врагом исследования и фундаментальной науки — «оценкой», которая означает заполнение форм так, чтобы вас могли уволить по сокращению штатов быстрее и с меньшим опротестованием...

177

Предложенные мной инструменты исходят из семиотики в широком смысле, то есть из внимания к текстuality отчетов, предлагаемых многими дисциплинами натурфилософии или исследования. Хотя многих ученых немного раздражает напоминание о таком элементарном факте, что все они пишут отчеты о том, что произошло в различных установках, которые они построили с большой заботой и за большую плату. Это верно в независимости от того, имеют ли они дело с математическим формализмом муравьиных колоний, экспедициями по кронам амазонских лесов, визуализацией возбуждения нейронов в гиппокампе, опросными исследованиями гендерной дискриминации, этимологией слова *pragmaton* в философии Аристотеля или чрезвычайно долгой историей пузырьков воздуха, застрявших в ледяных ядрах Антарктики. Все они должны, в конце концов, написать репортаж. Именно эта общая концентрация на производстве, сборке, сличении, глоссировании и резюмировании текстовых документов позволяет всем нам, как членам того, что я все еще хочу назвать «университетом», сказать внутри наших различных скрипториев (или, лучше сказать, «скринториев!»), что мы сыновья и дочери экзегетики — множество писцов, интерпретирующих следы, оставленные на разрозненных документах

с помощью тщательного применения разделяемых нами интерпретационных навыков¹.

Есть по крайней мере два резона, по которым я считаю важным сшить обратно арлекиновое платье старого университета и немного сблизить «друзей интерпретируемых объектов», из какой бы части кампуса они ни происходили.

Первый резон, присущий семиотике, заключается в том, что она позволяет сосредоточить внимание не просто на литературных или нарративных аспектах научной литературы (что само по себе полезно), но на том, что я предложил называть метаморфной зоной, где люди и нечеловеки продолжают обмениваться своими свойствами, то есть своими фигурациями. Неантропоморфный персонаж — это все-таки персонаж. У него есть агентность. Он движется. Он проходит испытания. Он вызывает реакции. Он становится описуемым. Это, однако, не означает, что мы «проецируем» антропоморфные черты на то, что должно оставаться объектом: это просто значит, что форма, то есть морфизм, человеческого персонажа, так же открыта для исследования, для изменения формы, как и форма нечеловека. Говоря откровеннее, это значит, что старые философские инструменты, объект и субъект, совершенно неадекватны для того, чтобы следовать за множеством описаний, множеством отчетов, которые изливаются из наших скрипториев — будь они лабораториями, офисами, студиями или библиотеками. Здесь действует что-то еще, всегда действовало, нечто модифицирующее форму любого ингредиента, который вы бросаете внутрь, сродни яростно кипящему котлу колдуна.

Второй резон попытаться починить (улучшить?) разорванную мантию Арлекина связан с тем, что я назвал новой политической, или, корректнее, новой дипломатической ситуацией. Как я показал в конце предыдущей части лекции, «Мы не можем перебирать», потому что прежний договор, который распределял области исследования (естественным ученым — объективный мир природы, остальным дисциплинам — более субъективные аспекты человеческой жизни), этот договор был разрушен самими успехами человеческого вмешательства в элементарные черты нашего земного суще-

1 Забавный пример этого общего экзегетического языка предлагает физик Карим Бенабед, услышав о презентации Джона Ковача и Клемента Брайка о гравитационных волнах в момент Большого взрыва, обнаруженных [в экспериментах по исследованию реликтового излучения] BICEP2 и признав, что это было захватывающее и крупное открытие: «Мы проверим каждую запятую в их статье». Переключение внимания со следов Большого взрыва на запятые в документе — это добавление двух экзегетических навыков друг к другу. *Le Monde*, March 19, 2014.

ствования. То, что ранее было лишь эпистемологическим вопросом: «Как человеческий разум способен познавать мир объективно?», стало совершенно практическим вопросом: «Как мы можем описать жизнь на Земле, в которой человеческие следы — не говоря уже об отходах — настолько вездесущи, что естественное и искусственное стало невозможно отделить друг от друга?» Удобный, хотя и противоречивый термин для регистрации этой новой исторической ситуации сам представляет собой очаровательный гибрид геологии и политики, а именно слово *Антропоцен* (эта эпоха истории Земли, в течение которой люди, взятые в целом, стали, по крайней мере, так считают геологи-стратиграфы, самой важной геологической силой за работой). Это имя котла колдуна. Во времена Антропоцена, когда история стала геосторией, сами формы людей и нелюдей должны быть замешаны повторно (remixed) [Chakrabarty 2009: 197-222], отсюда необходимость полностью перешить геополитическую карту многих дисциплин, отвечающих за изучение такой смеси. Ни у одного описания больше нет власти элиминировать альтернативные описания без суда и следствия (without trial). Они могут конфликтовать, но их нельзя уничтожить. Они должны сочинять, может быть, идти на компромисс.

179

Прежде чем с головой погрузиться в сложную тему сегодняшнего дня, давайте погладим бока котла, чтобы проверить, насколько он горяч. Недавно опубликованная в *New York Times* авторская колонка «Если видите что-нибудь, расскажите об этом»¹ поможет мне показать, где кроется проблема. Майкл Э. Манн — автор книги, название которой является точным симптомом периода, на который я указываю: «Хоккейная клюшка и климатические войны: депеши с передовых» [Mann 2013]. Несомненно, новости, поступающие из науки, стали сравнимы с теми, что приходят из окопов Гуадалканала или Вердена.

На мой взгляд, для ученых более неприемлемо оставаться в стороне. Я должен знать. У меня не было выбора, кроме как ввязаться в драку. Меня преследовали выборные должностные лица, угрожали насилием и пр. — после того, как одно исследование, написанное мной в соавторстве полтора десятилетия назад, обнаружило, что у средней теплоты Северного полушария нет прецедентов по крайней мере за последние 1000 лет... Этот активистский подход обеспокоил некоторых ученых, даже тех, кто откровенно высказывался об изменении климата... Должны ли мы воздерживаться от комментариев об импликациях нашей науки? <...> Если ученые откажутся от вовлечения в публичные дебаты, мы оставим вакуум, который будет заполнен теми, чья повестка — это повестка краткосрочной корысти. Общество дорого заплатит, если ученые не смогут участвовать в более широком обсу-

1 New York Times, January 17, 2014.

ждении — если мы не сделаем все, что в наших силах, чтобы полиси-дебаты основывались на честной оценке рисков. Если бы мы держали язык за зубами перед лицом такой серьезной угрозы, то фактически это было бы упразднением нашей ответственности перед обществом... Едва ли это радикальная позиция. Наше Министерство национальной безопасности призвало граждан давать отчет обо всем опасном, что они увидели: «Если видите что-нибудь, расскажите об этом». Мы, ученые, тоже граждане, и в изменении климата мы видим явную и реальную опасность.

Что особенно интересно в этой авторской колонке — и также очень трогательно — так это то, что Майкл Манн одновременно пытается вырваться из прежнего соглашения (settlement) (должен быть брандмауэр, отделяющий науку от политики), и в то же время с превеликим трудом артикулирует альтернативу (мы рискуем сыграть роль активистов, которых осуждают наши враги — отрицатели мутации климата, но если нам не удастся «ввязаться в драку», мы рискуем симметрично отказаться от своего долга ученых, который состоит в предупреждении людей об окружающих их опасностях, которые мы обнаружили).

180

Что для меня очень показательно в этом примере (а можно было бы легко найти сотни других), так это то, что, к его удивлению, Манн имеет дело с типами утверждений, которые пересекают различие между фактами и ценностями: речь идет о вещах, которые есть, которые опасны, которые отрицают враги и о которых следует рассказать публике [Latour 2014]. Неудивительно, что в названии своей книги он вынужден прибегнуть к выражению «депешы с передовой». То, что якобы собирают мирно — а именно факты о каком-то положении дел где-то там снаружи (out there), на которые бесстрастно смотрят люди, от которых полностью избавляются, как только они сделали открытие — стали передовыми линиями конфликтов, где открыватели, глубоко увязшие в грязи окопов, полностью видны, полностью подотчетны и не имеют путей отхода в Тыл. Теперь мы рискуем вступить в войну за то, что есть в мире; что до открывателей, то они в самой гуще драки и разделяют ответственность, если публика потерпит поражение. То, что в предыдущих работах я зарегистрировал как переключение с «материй фактических» на «материи дискуссионные», приобрело дополнительную интенсивность, резкость и безотлагательность. Именно в этот момент вопрос агентности встречается с вопросами политики.

Ну, раз уж мы заговорили о передовых, я не буду скрывать, что хочу помочь Майклам Маннам этого мира. Я тоже хочу прислушаться к предупреждению: «Если видите что-нибудь, расскажите об этом». Однако это значит, что, как я и планировал ранее,

мы должны переключить наш анализ агентности с семиотики на онтологию.

Я предлагаю здесь это слово не без колебаний, так как хорошо знаю, что *онтология* — одно из тех страшных слов, которые отпугивают многих коллег. Если вдуматься, то это странно: естественные ученые — последние, кто должны считать его странным термином, так как они без каких-либо колебаний утверждают с помощью своих писем (*writings*), *чем являются вещи*, а именно это и означает слово *онтология*: «изучение того, что есть». Тем не менее, вводя [слово] *онтология* (и то же самое было бы со словом *метафизика*), философы действительно предлагают предупреждение, тревогу, некое волнение, беспокойство по поводу того, каковы есть вещи. Как если бы они не были так уверены, что вещи есть то, что есть! Ну, это как раз тот эффект, который я хочу передать, особенно если мы имеем дело с теми видами размножающихся гибридов, которые, кажется, одновременно утверждают, и что есть, и как мы должны вести себя при встрече с ними.

Чтобы немного сгладить ситуацию, я буду использовать слово *онтология* в употреблении, немного отличном от обычного: не в качестве науки о бытии, а в смысле, более близком к его этимологическому соседу *деонтологии*. Я определяю *деонтологию* как *дипломатическую заботу, с которой мы коллективно разбираемся, с тем, что есть и что должно быть собрано в мире*. Деонтология — это навык, необходимый для того, чтобы подойти к тому, что я на своем жаргоне называю задачами *композиции* [Latour 2010b]. Во многом это следствие того, что я ранее обозначил как «быть подотчетным».

Боюсь, что операция, которую я сейчас должен совершить, довольно деликатна, и я напоминаю вам, что она остается полностью спекулятивной. Мы должны сделать себя способными разобраться с тем, что опытно переживается в мире. Однако выше нас предупредили, что очень маловероятно, что мы встретимся с этими сущностями, с этими агентами в форме объектов, познаваемых субъектом, — прежнее соглашение, соответствующее «материям фактическим». Если «мы не можем перебирать», то это потому, что сущности даны в опыте множеством других режимов. Вот почему один тип описания не может элиминировать другой. Помните вопрос Уайтхеда о том, как избежать различения двух опытов того, как дан «красный цвет»: «Настоящий вопрос заключается в следующем: “Если красный цвет обнаруживается в природе, что еще там также обнаруживается?” А именно — мы спрашиваем об анализе того, что в природе сопровождает открытие красного цвета в природе» [Whitehead 1920: 41].

Его решение, широко известное благодаря комментарию Изабель Стенгерс, весьма радикально: «Никакое затруднение в связи

с объектом познания не может быть разрешено утверждением, что существует познающий его разум». Другими словами, эпистемология ведет нас в тупик. Вопрос не в том, чтобы иметь мир, а затем человеческий разум, а в том, чтобы сначала иметь мир, различные траектории которого постигаются (*grasped*), будучи освобожденными от дополнительной сложности (Уайтхед говорит — от дополнительной «путаницы») быть познанными кем-то. Возможно, вы уже слышали знаменитое изречение из *Понятия природы*: «Мой аргумент в том, что это втягивание разума, делающего собственные дополнения к вещи, поставленной для познания посредством чувственного осознания, есть просто способ уклонения от проблемы натурфилософии. Эта проблема состоит в том, чтобы обсуждать отношения познанных вещей между собой, абстрагированные от самого факта, что они познаны. <...> Натурфилософия никогда не должна спрашивать, что есть в разуме и что есть в природе» [Stengers 2011; Whitehead 1920: 28, 30].

Теперь вы, возможно, удивлены, увидев, что эта цитата прославляется кем-то, кто заявляет о своей верности области исследований науки. То, что было достигнуто в этой области, на первый взгляд прямо противоположно тому, чего здесь требует Уайтхед. Разве мы не «втянули» не только разум, но и все снаряжение ученых за работой: их инструменты, их лаборатории, их заявки на гранты, их политику и в довершение ко всему, как я только что сделал минуту назад, их письма, документы, статьи и всевозможные инскрипции? Если есть люди, «вызывавшие путаницу привнесения просто процедуры мышления в факт природы», то не те ли это писатели из исследований науки? [Whitehead 1920: 20]. Как я сказал выше, ситуация запуталась до того, что уже невозможно «обсуждать отношения познанных вещей между собой, абстрагированные от самого факта, что они познаны». В этом смысле исследования науки, несмотря на их давнюю полемику с эпистемологией, в конечном счете, кажется, играют ту же самую роль. Как если бы греческая этимология последней настигла ее английский перевод. В таком случае исследования науки являются простым повторением эпистемологии — разум втягивают, конечно, с большим количеством снаряжения, но путаница столь же полна.

Проект Уайтхеда, однако, был не в том, чтобы отодвинуть разум в сторону для получения какого-то первобытного доступа к миру¹

1 В публикации и в тексте лекции на сайте Латура в этом месте стоит слово “word” (см. <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/137-YALE-TANNER.pdf>). Однако оно здесь совсем не подходит по контексту и, вероятнее всего, это просто опечатка в слове “world” — Прим. перев.

«природы», а в том, чтобы удостовериться, что мы не путаем сущности, встречающиеся в опыте, с «добавлениями», дополнительной работой, которую необходимо проделать для постижения их в качестве познанных вещей. Уайтхед осознал, что, встречаясь с сущностью как с «объектом», мы в действительности встречаемся с гибридом, сделанным как минимум из двух совершенно разных слоев, один из которых — «чувственное осознание», чья траектория доступна через то, что он называет «переходом (passage) природы», а другой — «процедура разума», необходимая для обеспечения движения другой траектории, траектории «дискурсивного знания». Именно различая эти две траектории, он может показать, что то, что часто принимают за «материальный мир» — это не автохтонное, туземное вещество (stuff), встречающееся в опыте, а идеалистический продукт амальгамы по крайней мере двух видов опыта.

Эти два вида опыта следует прояснить в первую очередь, чтобы любая натурфилософия выполнила свой долг, а именно «анализировала, как связаны эти различные элементы природы». Отсюда известная цитата Уайтхеда, в которой материализм обличается как всецело идеалистическое изложение опыта: «Таким образом, то, что является просто процедурой разума при переводе чувственного осознания в дискурсивное знание, превратилось в фундаментальную характеристику природы. В результате возникла материя как метафизический субстрат своих свойств, а ход (course) природы интерпретируется как история материи» [Ibid.: 16].

183

Половина вещества, из которого задумана материя, сделана из способа, которым мы получаем доступ к некоторым положениям дел. Если мы не хотим «уклоняться от проблемы натурфилософии», то возникает вопрос, как сделать так, чтобы при встрече с сущностями мы тут же не теряли их след, рассматривая их как «объект», что означало бы, если вы следовали за [моим] аргументом, направить наше внимание не на мир, а на разум. Как сказал бы Уильям Джеймс: мы не хотим *больше* того, что переживается опытно, но мы не хотим и *меньше*. «Объект» — это неверная характеристика вещей в мире, а также того, что для них значит быть познанными «объективно».

Вот где исследования науки, несмотря на то, что я сказал выше, могут пригодиться. Если аргумент Уайтхеда кажется таким трудным для постижения, то это потому, что он все еще имеет дело с «разумом», абстракцией, столь же неисследованной, как и абстракция «материи». Как только мы заменим разум активными профессиями ученых за работой в лабораториях, собирающих документы, добытые из их инструментов, и пишущих отчеты, валидированные многими исследовательскими учреждениями, становится гораздо

легче не путать такую траекторию с траекторией перехода природы. Различение между «фундаментальной характеристикой природы» и множеством «процедур» для «перевода» ее в то, что познано, является слишком уж зияющим¹.

Это как раз то, что я подчеркивал ранее: тщательное изложение Гарфинкелем и его коллегами того, как был открыт оптический пульсар, позволило им обнаружить место скрещивания, в котором локальную ситуацию астрономов пересек другой исторический маршрут, который позже стали понимать как галилеев объект, познанный астрономией. Когда это место скрещивания тщательно регистрируется, становится возможным не путать два движения: то, как сущности вступают в мир, и то, как мы получаем к ним доступ через наш инструментарий, локализуя точное место, где они [наши инструменты и сущности] пересекают друг с друга. И это не имеет ничего общего с разумом, смотрящим на мир объектов. Если бы мы просто втянули разум, мы бы упустили эту артикуляцию; однако когда мы втягиваем весь набор обстоятельств и материального оснащения, то на этот раз ее уже нельзя упустить.

184

Другими словами, если бы нам удалось полностью локализовать в мире саму деятельность познания, то мы могли бы одновременно встречать поступательное движение сущностей и движение объективности в обратном направлении, не смешивая их и заодно не будучи вынужденными концентрироваться на разуме — или этом эрзаце разума, именуемом «социальным конструированием». Мы смогли бы приблизиться к тому, что я назвал в первой половине лекции «фронтом ударной волны». Если бы мы могли это сделать, то исследования науки оказали бы услугу, которую эпистемология никогда не оказывала, — или, точнее, исследования науки могли бы предложить противоядие тому, что эпистемология впрыснула философии...

Почему так необычайно трудно локализовать изготовление знания? Почему так трудно определить знание как режим существования *в мире*, а не режим существования *мира*, полностью отсутствующий в мире, т. е. неподотчетный? Иногда мне кажется, что последние сорок лет я только и делал, что размышлял над этой проблемой: уважение к объективному знанию возможно, только если оно полностью локализовано, в независимости от того, насколько далеко оно простирается.

1 На языке исследования способов существования мы узнаём здесь важное пересечение REP.REF, <http://www.modesofexistence.org/crossings/#/en/rep-ref>

Тем не менее она [эта проблема], кажется, ускользает, как только мы [начинаем] ее рассматривать. Поэтому, если я хочу иметь хоть малейший шанс отстаивать свою точку зрения — еще одну попытку после стольких попыток, — я должен перекрыть все пути отступления, по которым ускользает объективное знание, как только оно произведено. Это единственный способ помочь лучше понять не только спекулятивную философию Уайтхеда (я ей не нужен!), но и Майкла Манна и его коллег (тех, кому может понадобиться моя помощь на своих передовых — бедняг, потерявшихся в Антропоцене и вызывающих о помощи к другим, столь же потерянными, беднякам типа меня из гуманитарных департаментов...).

Поскольку это такой трудный вопрос, позвольте мне привести простой, почти тривиальный пример, чтобы получить представление о движении, которому мы должны попытаться противодействовать посредством другого противоположного движения. Как-то я был на панельной дискуссии с физиком Джорджем Смутом, лауреатом Нобелевской премии, одним из открывателей космического микроволнового фонового излучения (если я скажу вам название панели, «Космологическая функция искусства», то вы сразу сделаете вывод, что это было в Париже — где же еще с таким названием?). Резюмируя успехи своей науки, Смут показал аудитории, состоящей в основном из литераторов, фильм, который перенес нас от Земли к Большому взрыву и обратно с помощью тщательно смонтированной смеси данных о галактиках, собранных в его лаборатории, и цифровых спецэффектов прямо из Голливуда. Возможность двигаться обратно к [моменту через] 380 000 лет после Большого взрыва, конечно, была ошеломляющей. И все же я не мог не чувствовать себя неловко, потому что то, что было показано как фильм, снятый неким персонажем, чья семиотическая эктоплазма была делегирована почти на 13 миллиардов лет назад во Вселенную, совершенно отличную от той, какая она сейчас, было не только вымыслом — в этом нет ничего плохого, Кеплер делал то же самое, чтобы проложить путь астрономии [Frédérique 2012], — но и совершенно неверной репрезентацией работы, проделанной Смутом и его коллегами, по сбору этих самых данных. Естественно, для самого Смута это не было предательством, поскольку, как специалист в этой области, он каждую сглаженную картинку мысленно заменял тысячей пробелов (*hiatuses*), которые нужно было преодолеть, чтобы смонтировать такой вымысел, пока мы, плебеи, таращились на фильм. У нас, однако, не было возможности не купиться, пока мы смотрели голливудский аналог «научного мировоззрения».

Конечно, это был не мир галилеевых объектов — фильм явно рекламировался как художественное прочтение, — но все же это был нарратив, иллюстрирующий все дурные привычки эпистемологии: знание было тайком выведено (*spirited out*) из вселенной, которую оно развертывало перед нами, так, что у зрителей совершенно не было возможности заменить компетенцию, которой наделялась какая-либо из сущностей, летающих на экране, списком ее исполнений. Мы никак не могли разорвать нарратив «мысленными оговорками». Одним словом, фильм сделал физику неподотчетной. Он был не совсем мошенничеством, так как многие реальные данные были сшиты вместе, но все же он был максимально далек от того, как производилась такая наука. В результате нас попросили стать свидетелями очень упрощенного примера «путаницы», обличенной Уайтхедом: переход природы был заменен обрывками данных, исподтишка сглаженных нарративом, который делал вещи одинаково неподотчетными, и если считать его художественным произведением (он [нарратив] не был искусством), и если рассматривать его как научный репортаж (он не был наукой). И все же он казался реалистичной версией того, как предположительно выглядит мир сам по себе, примером того ложного реализма, который связан с понятием «материальный мир». Я уже знал, что «научное мировоззрение» — это действительно воззрение, картина, но я никогда не понимал так точно, что его следует называть «научным миро-шоу».

С моей стороны не очень милосердно придирааться к его фильму (особенно потому, что Джордж Смут — большой эксперт в том, как делать искусство из своей науки), но это позволяет мне заметить, что к локализации научной практики в пространстве и в институтах — необходимой задаче, которой посвятили себя все исследования науки — важно добавить ее локализацию во времени.

Под этим я подразумеваю не только хорошо задокументированную инверсию, которую часто замечают, когда факты-в-процессе-изготовления становятся готовыми-фактами. В медленном стирании [упоминания] ученых за работой есть большой смысл: как только факт установлен, то резона выставять напоказ открывателей не больше, чем у автора романа сигнализировать на каждой странице, что он или она является автором романа (кроме случаев, когда [хотят достичь] некоторых спецэффектов). Скорее меня интересует, что значит для процедур науки происходить *после* феномена, с которым они встретились, а затем *реконструировать* (*retrofit*) встречу так, как если бы наука происходила *до* феномена, но невидимым и неизвестным образом. Итак, я хочу различить два движения: одно, делающее возможным доступ к тому, что далеко, другое, реорганизующее движение так, как если бы оно

пришло издалека в настоящее. Что происходит, когда мы разрабатываем (develop), т. е. пересказываем, развертывание некоторого знания не так, как оно было открыто, т. е. от его следствий, или, точнее, от его исполнений, а отправляясь от его причин? Другими словами, чего мы достигаем, когда рассказываем истории о причинах-и-следствиях?

Чтобы придать моей аргументации некоторую респектабельность, я обращусь к грандиозному заявлению Декарта в *Рассуждении о методе* о том, что без какого-либо предшествующего опыта он дедуцировал из первых принципов существование Земли. Вот история куда грандиознее, чем путешествие Смута к Большому взрыву и обратно:

Во-первых, я старался вообще найти начала, или первопричины, всего, что существует и может существовать в мире, рассматривая для этой цели только Бога, сотворившего его, и выводя их только из неких ростков тех истин, которые от природы заложены в наших душах. После этого я рассмотрел, каковы первые и наиболее простые следствия, которые можно вывести из этих причин; и мне кажется, что таким путем я нашел небеса, звезды, Землю и даже воду, воздух, огонь, минералы на Земле и другие вещи, являющиеся самыми обычными и простыми, а потому и более доступными познанию [Декарт 1989: 287].

187

Как довольно шутливо замечает Шарль Пеги в своей столь же грандиозной работе *Примечание к тексту Мсье Декарта*:

Была ли когда-нибудь такая прекрасная дерзость, такое движение мысли, сравнимое с движением мысли этого француза, «который нашел небо»? И не только небо. Он дедуцировал звезды и даже Землю... Мы прекрасно знаем, что он никогда бы не нашел Небеса и Землю, если бы сначала не услышал о них... Неважно, Декарт в истории мысли навсегда останется этим французским всадником, стартовавшим в таком хорошем темпе. [Descartes sera toujours ce cavalier français qui partit d'un si bon pas¹.] [Péguy 1979]

Да, несомненно, темп восхитителен, дерзость грандиозна, но есть что-то глубоко тревожное в том, чтобы сделать все феномены запоздалыми следствиями «законов природы». Как только вы заявляете, что агенты, встречающиеся в опыте, «подчиняются закону», тотчас же закон берет на себя роль субстанции, компетенции, а то, что происходит, т. е. набор свойств, исполнений, деградирует до статуса просто феноменов, просто видимостей — этимология говорит сама за себя — от чего в идеале можно было бы избавиться, как только

1 Здесь квадратные скобки использованы в оригинале. — Прим. перев.

мы постигли закон, который ими «управляет». Сквозь завесу видимости вы смогли увидеть твердое субстанциальное ядро того, что делает их такими, какие они есть.

Тревожно то, что это не имеет ничего общего ни с тем, как законы — теперь уже в юридическом смысле — совершают свое особое движение вперед, ни со значением закона в политике, ни, естественно, с тем, как их порождают и добывают в научной практике. Как ни странно, законы природы, кажется, «управляют» феноменами без заслуженного ими правового, политического и научного обоснования их «суверенитета». Видимо, это не было проблемой в период модернизма, но стало основным предметом спора сейчас, когда нам говорят, что мы живем в геоисторическую эпоху Антропоцена. Мы, безусловно, хотим знать, каков тот суверен, которому мы должны подчиняться, и каковы его юридические, научные и политические полномочия (credentials). Вот проблема, с которой борются Майкл Манн и многие другие; вот о чем они взывают с передовой: «По каким законам мы воюем? Ради какого суверена нас просят пожертвовать своей карьерой — может быть, нашей жизнью?» [Northcott 2013]

188

Можно было бы сказать, что из-за языковых ограничений любой репортаж, любой отчет должны сначала указывать причины, а затем следствия, что совершенно нормально считать актора, наделенного ролью «причины», важнее тех, что играют роль «следствий», хотя все прекрасно знают, что всякий раз следствия постигают задолго до их причин. В одном нарративе Земля и небо, очевидно, существуют задолго до «ростков тех истин, которые от природы заложены в наших душах», и это всего лишь весьма удобно рассказывать историю так, «как если бы» Землю и небо можно было просто дедуцировать из первых принципов; все это знают, Смут [знает это] не хуже Декарта. Однако то, что знают хорошо, столь же хорошо забывают.

Вот почему я думаю, что было бы слишком обнадеживающе сказать, что эта апелляция к законам природы, эта инверсия предшествующего и последующего всего лишь какой-то невинный монтаж. В такой с виду безобидной инверсии нет ничего невинного, потому что через такую инверсию что-то важное было *утеряно*, а что-то столь же важное — *добавлено*.

Добавлено то, что феномен теперь быстро и легко движется *от* своей причины к своим следствиям по мостовой, сделанной из всех инструментов, инскрипций, формализмов, которые один за другим нужно было создать, чтобы получить к нему доступ, но в обратном порядке. В результате, как и в сценариях со спецэффектами Смута или Декарта, все пробелы, которые один за другим нужно было устранить, чтобы ученые могли перейти от сво-

ей обсерватории к невидимому далекому положению дел, теперь сглаживаются и трансформируются в совершенно регулярную и неproblemатичную траекторию, скользящую от причины к ее следствиям. Пробелы исчезли, но вещество, из которого они сделаны, все еще на месте, играя теперь, так сказать, роль гудронированной площадки, на которую теперь могут приземляться феномены подобно множеству механических самолетов (это более конкретное изложение того, что Уайтхед назвал «психическими дополнениями»).

Проблема в том, что тот же канал, по которому был получен доступ к далекому [положению дел], также задействуется в качестве канала, используемого для их возвращения. С той разницей, что теперь, на обратном путешествии, они ведут себя как «познанные сущности». Вот почему они называются «галилеевыми объектами»: чтобы сохранять существование в качестве устойчивых сущностей, им больше, если можно так выразиться, не нужно прилагать никаких усилий, а просто доверять свою устойчивость тем путям, через которые к ним был получен доступ, — с той разницей, что теперь все препятствия, которые им пришлось преодолеть, невозможно заметить, поскольку все следы знания в процессе его изготовления были стерты. «Процедура разума» стала тем самым веществом, в котором также размещается то, что познано. Все происходит так, как если бы отныне сущности мира, раз они познаны, были сделаны «из знания». Знание [как режим существования] в мире становится знанием [как режимом существования] мира, мира, для которого Наука (с большой буквы *N*) стала отсутствующим землевладельцем.

Если я сейчас обращаюсь к тому, что было утеряно, то, возможно, вы признаете, почему в этих «научных миро-шоу» нет ничего невинного. Что было утрачено, так это возможность встречать в опыте сущности мира в *каком-либо ином режиме*, чем режим объективного знания. Само по себе это не было бы проблемой, если под «объективным знанием» мы подразумеваем поступательное движение доступа к тому, что далеко и невидимо. Наоборот, это было бы поистине грандиозно. Добавлять знание в мир, есть ли лучший способ выполнить свое призвание исследователя? Но это большая проблема, если под «объективным знанием» подразумевается также обратное путешествие, где знание стало каналом, где [понимание] того, что значит знать что-то, полностью исчезло. Теперь мы сталкиваемся с ложной реальностью — фантомом, — где в сущностях, которых мы встречаем, невозможно различить *то, как вещи сохраняют устойчивость в мире, и то, что мы должны сделать, чтобы осуществлять к ним доступ объективно*. Как только они полностью созданы «из знания», становится невозможным восстановить

то, как их познать. (На моем жаргоне [это значит, что] были смешаны два противоположных значения *неизменных мобилей*: положительное, [обозначающее] доступ, и отрицательное — обратное путешествие.) Теперь, как ни странно, как раз в тот момент, когда все, кажется, сделано «из» или «внутри» знания, знание-то и было изъято из мира.

Особенно проблематична роль, предлагаемая теперь ученым: когда вещи возвращаются в обратном путешествии, единственный способ следовать за ними — самим стать галилеевым объектом, то есть галилеевым субъектом. Теперь вы должны поверить, что ваши когнитивные способности, ваше тело, гены, из которых вы созданы, все эти сущности сами сделаны из того же вещества, что и «объективное знание». Фантом объективности, загрязняясь, оставляет за собой фантом субъективности. Вскоре появляется двойной призрак, РазумТело, единственный обитатель этого пустынного мира. Он пахнет как материализм, за исключением того, что это всего лишь бесконечное расширение идеалистического изложения материи. Онтология была стабилизирована настолько, что больше нет места для какой-либо другой встречи.

190

Если вы сравните изготовление знания с функцией хлорофилла, изобретенной растениями для добычи из солнца не существовавшей до них силы развития, то все происходит так, как если бы растения воображали, что солнце, Земля, Вселенная вплоть до Большого взрыва были сделаны исключительно из хлорофилла. [Это], несомненно, комфортная зеленая мечта, но она не позволяет растениям встречать то, что есть в реальном мире. Или, если взять другую метафору, это все равно что вообразить, что часы под предлогом, что их регулярное круговое движение позволяет им давать людям инструмент для обнаружения перехода природы, теперь фантазируют, что все движения мира сделаны из того же тик-тик-тик, что и то [движение], через которое проходят они. [Это] славная мечта часовщика, но она не позволила бы встретить какое-либо существо реального мира — начиная с растений...

Можно, конечно, возразить, что это не имеет большого значения: сам Галилей не был галилеевым объектом! Что до Декарта, то он и минуты не верил, что его тело представляет собой машину, — тому свидетельство его личные письма и тщательное соблюдение диеты. Практикующие ученые делают нечто совершенно отличное от того, что они говорят о том, на что похож мир, когда они проецируют фильмы в своих миро-шоу-румах. Все они знают, что эти шоу «для публики» и «чтобы изложить вещи проще» чисто из педагогических соображений. И никто не будет настолько глуп, чтобы спу-

тать тиканье часов с переходом природы. Что ж, в который раз то, что все очень хорошо знают, это также то, что все быстро забывают. Разве ученые не становятся часто жертвами своих собственных «научных мировоззрений»?

Но я согласен, что это не имеет большого значения, когда мы имеем дело с оптическими пульсарами или Большими взрывами. Ситуация, однако, совершенно иная, когда то, с чем встречаются — это сущности, которые настаивают на том, чтобы с ними встретились на других основаниях. Это в особенности тот случай, когда они [сущности] обладают ценностями, срочностью, важностью, интенсивностью — всеми чертами, которые не следует путать с той [чертой], что к ним имеют доступ через ректифицированное знание. Это также тот случай, когда они принадлежат тому, что относится к зоне обитания, в которой мы все проживаем. В таких случаях может быть ужасно важно — может быть, преступно — упустить множество других способов встретиться с ними, о которых они просят. Это может быть тот случай, когда Майкл Манн апеллирует к «неудобной истине» об антропном происхождении изменения климата, а также, если вы помните пример, которым я закончил первую половину лекции, [случай], касающийся того, что значит иметь ген хореи Гентингтона. В этом случае последнее, чего бы вам хотелось, так это путать то, как объективное знание добывается из исполнений генов, с тем, как они настаивают на том, чтобы воздействовать на нас. Именно эту настойчивость не регистрирует стабилизированная онтология галилеевых объектов. Но именно этому должно научиться противодействовать то, что я назвал «деонтологией». Онтологическое искание (или дипломатическую встречу) следует поместить прямо там, чтобы удостовериться, что обратное путешествие галилеевых объектов можно прервать всякий раз, когда это будет необходимо. Мир сделан «из» знания не более, чем он сделан «из» хлорофилла. Он объективно познаваем, и в нем есть жизнь — по крайней мере, на Земле, — но это не причина путать два утверждения.

191

* * *

Позвольте мне теперь завершить лекцию. С момента, как я был удостоен чести прочитать лекцию Таннера, меня беспокоила зонтичная фраза *о человеческих ценностях*, подзаголовок этой серии лекций. Я подозреваю, что обычное истолкование этой апелляции к «человеческой ценности» состоит в том, что существует «объективный мир материального вещества», к которому было бы очень хорошо со стороны исследователей в гуманитарных дисци-

плинах любезно добавить некоторое «приложение [в виде] души». Ценность с такой точки зрения есть свойство не бесценностного мира, а лишь людей. «Человек», конечно, тоже значительная часть проблемы. Это не сущность, чья форма была детерминирована раз и навсегда, особенно когда антропология во времена Антропоцена так сильно сдвинулась, что ей пришлось иметь дело с человеком как геологией... Как стабилизировать форму этих людей с длинными CO₂ следами, которые они оставляют позади себя, с генами, которые каждый день умножаются столькими лабораториями, работающими на биовласти, с этими цифровыми протезами, которые кажутся все более и более интимной их частью, с теми вычислительными устройствами, к которым они так привязаны, что в конечном итоге ведут себя как *Homo econoticus* (фигура столь же причудливая, как и *Homo geologicus*)? Ясно, что идея стабилизированного человека, которая должна добавить, будем надеяться, некоторую ценность к пустынному миру, не может быть окончательной историей. Скорее, она соответствует чрезвычайно локальному, провинциальному, этноцентрическому и в высшей степени искусственному нарративу о том, что значит быть в мире и с миром. Это стоп-кадр эпохи, которой никогда не было.

192

Вот почему я предложил переключить наш фокус на совершенно другой феномен: способы обмена формами. Я назвал его «метаморфной зоной» не только из-за привлекательной геологической коннотации (очень в духе нашего геоисторического времени), но главным образом потому, что именно здесь различные морфизмы, если я могу так сказать, приобретают свои приставки: фюзиморфизм (оптический пульсар, с которым мы подружились) придает форму явлению в той же мере, в какой и био-морфизм гена, ответственного за хорею Гентингтона, или, если уж на то пошло, идео-морфизм концептов Уайтхеда. Все они — агенты, агентности, персонажи, которые что-то делают и о содержании которых можно дать отчет (accounted) лишь в той мере, в какой можно рассказать (rescounted) о наборе ситуаций и испытаний, из которых они медленно возникают. Совершенно бессмысленно говорить, что одни неодушевлены, а другие одушевлены. Чтобы играть роль неодушевленной причины каких-то других следствий, требуется столько же оживления, сколько и для того, чтобы играть «человека», наделенного интенцией и волей (вспомните процесс прототока в почке и процессию, которые я сравнивал ранее). Писать без одушевления, не наделяя своих агентов интенциональностью, просить их вести себя так, как если бы они не имели никакой ценности, более того, писать так, как если бы у вас не было стиля и вы вообще не пишете, — это все-таки стиль. Стилем также явля-

ется и обычай рассказывать историю причин-и-следствий так, как если бы причины на самом деле были на месте до следствий. Это другой монтаж, производящий интересные эффекты, но все-таки монтаж.

Однако пока мы остаемся в нарративе, в тексте, в семиотике, аргумент может быть правдоподобным, но беззубым — он остается тем, что ребята в гуманитарных дисциплинах говорят о природном мире. Здесь я попытался сделать один шаг вперед и посмотреть, можно ли с его помощью обрисовать дипломатическую зону, где могла бы применяться другая деонтология, деонтология, правило которой гласит: «Для натурфилософии все воспринимаемое есть в природе. Мы можем не перебирать». Как мы увидели, главная трудность в том, чтобы построить новую сцену так, чтобы мы извлекали пользу из объективного знания, не позволяя участникам поверить в то, что нечто объективно познанное само сделано из того же вещества, что и нечто позволяющее сущностям быть познанными. Поэтому крайне важно локализовать саму деятельность изготовления знания (прежде атрибутируемую призрачному разуму) в пространстве, в институте, а также во времени — в независимости от того, насколько далеко она простирается. Здесь на сцену выходит редукционизм в двух противоположных версиях: положительной (нет агентности без ее исполнений) и отрицательной (субстанция, лишенная своих реальных свойств). Если нам удастся не пустить в комнату, на дипломатическую встречу, вторую [версию редукционизма], то можно зарегистрировать много других режимов, настаивать на том, что есть в мире. Тогда те, кто находится в комнате, уже не люди, добавляющие ценность к бесценностному миру, а преобразователи формы, способные регистрировать ценности, существующие в мире. Им больше не нужно воображать призрачный мир, внутри которого они потом присутствуют, не считая того, что их самих из него тайком выводят. Они могут быть на этой Земле: в конце концов, это то, к чему мы все стремимся, не так ли?

Тогда, может быть, как ученым, так и гражданам с несколько меньшим удивлением придется иметь дело с сущностями, которые настаивают напряженно и взволнованно, и не просто потому, что люди склонны «проецировать» свой страх или свои интересы на равнодушный мир. Прилагательное *неудобный* в призыве прислушаться к «неудобным истинам» также может быть подлинным свойством мира. Или, по крайней мере, эта возможность была открыта. Сцена может быть более дружественной для Майкла Манна и его товарищей на передовой. Быть субъектом, встречающим объект, больше нежизнеспособная позиция. По край-

ней мере, это уже не единственная [позиция], позволяющая нам решить, в какой ситуации мы находимся.

Библиография / References

Декарт Р. (1989) Рассуждение о методе. Декарт Р. *Сочинения в 2-х тт*, 1. М.: Мысль.

— Descartes R (1989) *Discourse on Method*. Descartes R. *Works in 2 volumes*, 1. М.: Thought. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B (2013) *Science in Action*. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Bastide F. (1990) The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis. *Representation in Scientific Practice*, Cambridge, MA: MIT Press: 187-230.

Blackett P. (1933) The Craft of Experimental Physics. *University Studies*, London: Nicolson and Watson, 1933: 67-96.

Chakrabarty D. (2009) The Climate of History: Four Theses. *Critical Enquiry*, 35 (Winter): 197-222.

194 Coopmans C. et al. (2014) *Representation in Scientific Practice Revisited*. Cambridge, MA: MIT Press.

Fleck L. (1981) *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago: University of Chicago Press.

Frédérique A.-T. (2012) *Fictions of the Cosmos: Science and Literature in the Seventeenth Century*, translated by Emanuel S. Chicago: University of Chicago Press.

Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*, edited by A. W. Rawls. Oxford: Rowman & Littlefield.

Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (1981) The Work of a Discovering: Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of Social Sciences*, 11(2): 131-58.

Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (2011) The Work of a Discovering: Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Ethnomethodology*, 3, edited by M. Lynch and W. Sharrock, London: Sage Benchmarks in Social Research Methods.

Hacking I. (2002) Inaugural Lecture: Chair of Philosophy and History of Scientific Concepts at the Collège de France (given January 16, 2001). *Economy and Society*, 31: 1-14.

Ingold T. (2007) *Lines: A Brief History*. London: Routledge.

James W. (1975) *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking Followed by the Meaning of Truth*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (1989) Clothing the Naked Truth. *Dismantling Truth. Reality in the Post-Modern World*, edited by H. Lawson and L. Appignanesi.

- Latour B. (2008) The Netz-Works of Greek Deductions: A Review of Reviel Netz's The Shaping of Deductions in Greek Mathematics. *Social Studies of Science*, 38(3): 441-59.
- Latour B. (2010a) *Cogitamus. Six lettres sur les humanités scientifiques*. Paris: La Découverte.
- Latour B. (2010b) Steps toward the Writing of a Compositionist Manifesto. *New Literary History*, 41: 471-90.
- Latour B. (2011) Agency at the Time of the Anthropocene. *New Literary History*, 45: 1-18.
- Latour B. (2013) An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns, translated by C. Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. (2014) War and Peace in an Age of Ecological Conflicts. *Revue Juridique de l'Environnement*, 1: 51-63.
- Latour B., Bastide F. (1986) Writing Science: Fact and Fiction. *Mapping the Dynamics of Science and Technology*, edited by M. Callon, J. Law, and A. Rip. London: Macmillan: 51-66.
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Mann M. E. (2013) *The Hockey Stick and the Climate Wars: Dispatches from the Front Lines*. New York: Columbia University Press.
- Mialet H. (2012) *Hawking Incorporated*. Chicago: University of Chicago Press.
- Netz R. (2003) *The Shaping of Deduction in Greek Mathematics: A Study in Cognitive History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Northcott M. S. (2013) *A Political Theology of Climate Change*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Wm.B.
- Péguy C. (1979) *Note conjointe sur Monsieur Descartes*. T. III Pléiade.
- Pickering A. (ed.) (1992) *Science as Practice and Culture*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rotman B. (1993) *Ad Infinitum: The Ghost in Turing's Machine; Taking God Out of Mathematics and Putting the Body Back In*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Stengers I. (2011) *Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts*, translated by M. Chase. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Stengers I. (2013) *Une autre science est possible! Manifeste pour un ralentissement des sciences*. Paris: La Découverte.
- Tamen M. (2001) *Friends of Interpretable Objects*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tobin A. J., Signer E. (2000) Huntington's Disease: The Challenge for Cell Biologists. *Trends in Cell Biology*, 10: 531-36.
- Whitehead A. N. (1938) *Modes of Thought*. New York: Free Press.
- Whitehead A. N. (1920) *The Concept of Nature*. Cambridge: Cambridge University Press.

Рекомендация для цитирования:

Латур Б. (2023) Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология. *Социология власти*, 35 (2): 156-196.

For citations:

Latour B. (2023) How Better to Register the Agency of Things. *Sociology of Power*, 35 (2): 156-196.

Поступил в редакцию: 15.05.2023; принят в печать: 01.06.2023

Received: 15.05.2023; Accepted for publication: 01.06.2023